

Что ни говори, а Нориэль был ребёнком. Умным? Возможно. В определённых моментах. Мудрым? Вероятно, по годам. И тоже — в определённых моментах. Но всё это не меняло того просто факта, что он как был ребёнком, так им и оставался. Наивным, пропускающим мимо длинных ушей множество вещей, наивно верящий в то, что если ему что-то пообещали, что-то сказали, то это обязательно выполнят, то это обязательно окажется правдой. Особенно, если что-то ему говорят и обещают те, кого он назвал другом.

Опять же, Нориэль был простым мечтательным ребёнком, несмотря на всё то, что он видел и пережил. Перерождённый дух не был человеком, ему было тяжело измениться, зачерстветь. Сколько бы встрясок он не переживал — стабильная, практически статичная психика выдерживала всё.

До сего момента.

Подросток сам не знал, как продолжал стоять на ногах, как и не знал, куда он шёл. Возможно, ему помогали духи? Или он сам в себе нашёл силы?

Под ногами лежали трупы, прекрасные фиолетовые цветы были окрашены в красный. Для молодого эльфа подобная картина была сюрреалистичной, будто ненастоящей. Иногда в него летели стрелы и копья, но они не долетали, отскакивая от него, словно он был под монолитным куполом; редкие отчаянные, поглощённые схваткой мужчины, что пытались наброситься на мальчишку, так и не добежали: цветы под ногами превращались в острые шипы и пронзали ноги воинов, ветки деревьев неожиданно обращались в ещё более острые, живые копья, окрашивая фиолетовые цветы в красный ещё больше.

Тем странней мальчишка выглядел на общем фоне. В полностью чистых одеждах, на нём не было ни единой пылинки. Он выделялся на общем фоне как никогда. Это был далеко не первый его поход с Маликом, но конкретно сейчас...

Конкретно сейчас изменилось всё. Он не бегал по окружению, не прятался среди деревьев, если и выступал в роли поддержки, то исключительно как символ, а не живое существо.

Определённо, если Малик в будущем собирался приукрашивать их поход, то он не станет упоминать этого.

Молодой эльф не мог сказать, сколько продлился его путь. Он просто шёл вперёд, поднимаясь по склону, каким-то волшебным образом умудряясь обходить практически все стычки. Он стал настоящим фантомом, вновь обратился в духа, который пусть и попадался под горячую руку, всё равно оставался настолько незаметным, насколько это вообще возможно и невозможно.

В какой-то же момент парень, случайно или по воле странной судьбы, вышел на поляну. Чистую, ровную, словно не имевшую никакого отношения к тому, что происходило чуть поодаль. Звуки происходящего ужаса если и доходили до сознания мальчишки, то очень абстрактно, иллюзорно.

— Как много цветов... — пробормотал безэмоционально Нориэль. — Айша была бы очень рада.

В этой поляне было настолько много фиолетовых цветов, что ноги Нориэля буквально утопали в этом цвете. Приятный запах цветов ударил в нос Нориэлю, напоминая ему о том дне, когда Айша впервые показала ему поляну. По какой-то причине он был уверен, что она вдохновлялась именно этим местом.

— А ты, нелюдь, рад?

Пожилой голос вывел Нориэля из транса, заставив обратить внимание на сидевшего среди цветов старца, в руках которого была флейта. Мальчишка лишь на миг сосредоточил на ней взгляд, больше заострив внимание на духах вокруг старика. Безумно могущественные, по-настоящему огромные и всеобъемлющие, они при этом мелькали в восприятии Нориэля на самом краешке; молодой эльф видел лишь отголоски эманации их сил.

Попроси старик своих... друзей помочь, и, вероятно, они бы смогли мгновенно уничтожить всё войско, за исключением Малика.

Пожалуй, Нориэль никогда не видел настолько старого человека. Полностью покрытый морщинами, с длинной белой бородой и длинными седыми волосами. Нориэль не знал, сколько этому человеку лет, однако точно мог сказать, что он прожил намного дольше, чем любой другой встречный молодым эльфом житель западных земель.

Вполне вероятно, что никого старше на западных землях среди людей и не было.

Нориэль, проигнорировав то, что вопрос ему задал, очевидно, высокопоставленный член племени Горных Ястребов, молча подошёл к нему и сел среди цветов, опустив голову. Очевидно, старец обладал силой, способной одним лишь обращением к духам пройти сквозь защиту верных друзей подростка, только вот...

Сейчас мальчишку это не интересовало. Его в принципе перестало интересовать что-либо. В груди образовалась доселе невиданная пустота. Когда умерла Айша, мальчишка чувствовал боль. Теперь же он не чувствовал ничего. Ни ярости, ни горя, ни печали.

Он был попросту сломлен.

— Я не знаю.

— Ветер не врал, — бодро хмыкнул старец. — Ты прожил столько, что мог бы застать самый рассвет моего рода, но при этом остался совсем дитя. Мне тебя жаль, Первородный эльф.

Нориэль с фиолетовых цветов поднял взгляд на неизвестного.

Совершенно неожиданно кто-то смог интерпретировать на язык варваров самоназвание расы, к которой он принадлежал.

Где-то сзади продолжалась кровавая битва. Что-то горело, взрывалось, деревья вырывались с корнями: в бой активно стали вступать чудотворцы.

— Первородный?

Получается, были и не «Первородные»?..

— Так мне нашептал ветер, — беззаботно пожал плечами старик, опустив взгляд на флейту. — Я слышал, что твоя игра настолько прекрасна, что может покорить сердце любого. Может ли она покорить твоё собственное сердце?

Нориэль снял с пояса флейту.

— Это не ветер, а духи ветра, — едва слышно пробормотал подросток. — Могущественные духи. Они любят тебя, старец.

— Вот как, — удивлённо хмыкнул старик, внимательно осмотревшись. — Ты открыл мне глаза,

спасибо тебе. Встретились бы мы только, хе-хе, раньше, и я бы не узнал это под самый закат своей жизни.

Нориэль какое-то время смотрел на улыбающегося старика.

— Почему ты не помогаешь своим людям, старец?

— По той же причине, почему не помогаешь ты, — пожал плечами чудотворец. — Это бессмысленно. Мы здесь лишние. В нашей власти всё изменить, но эти изменения не всегда могут принести пользу. Всё же, каким бы чудовищем не был твой друг, он — то чудовище, в котором мы нуждались.

— И тебя совсем не пугает то, сколько верящих в тебя людей погибло и погибнет? — прошептал Нориэль.

Старик ненадолго задумался, после чего беззаботно отмахнулся.

— От нас всегда будут чего-то ждать, как и мы будем чего-то ждать от других. Правильного или неправильного ответа здесь нет, каждый действует исходя из собственных размышлений, которые у всех разумных существ свои. Единственный дельный совет, что я могу дать тебе, Первородный — думай своей головой. У тебя, в отличие от абсолютного большинства, она есть. Не жди, пока за тебя что-то сделают. Не подстраивайся под чужие мечты и цели. Если ты чего-то хочешь, то иди к этому, не оглядываясь назад. Иначе какие мы чудотворцы, если следуем чужим желаниям?

Сердце мальчишки пропустило удар. Из глаз Нориэля полились слёзы. Он крепко сжал флейту в руках. Потускневший взгляд подростка стал наполняться... нет, не огнём. Жизнью.

— Я рад, — прошептал Нориэль. — Мне здесь нравится.

Седой старец громко рассмеялся, подняв флейту на уровень глаз.

— В моём роду учат играть на флейте из поколения в поколение. Всю жизнь мы следовали идее, что, играя на флейте, мы становимся едиными с миром. По легенде, однажды в нашем роду появилась та, кто имела самую сильную связь. К сожалению, на тот момент роду не нужна была та, кто не обладала силой разрушать. Во время бури она сбежала, и, Видят Духи, предки слишком поздно осознали, какую ошибку совершили.

— К чему ты это говоришь, старец? — тихо спросил Нориэль.

Сзади него появился образ его первого друга. Улыбчивый, яркий как никогда, несмотря на то, что происходило буквально за спинами двух чудотворцев.

— Мой предок научила тебя своей игрой покорять чужие сердца, — ухмыльнулся старик, — но не научила тебя покорять собственное сердце, потому что сама так и не успела этому научиться. Нравится ли тебе твоя игра? Хочешь ли ты играть для себя, а не только для других?

Нориэль нахмурился, замолчав на долгую минуту. В рамках восприятия времени молодого эльфа — жалкий миг, но конкретно эта минута растянулась для подростка так сильно, что ему показалось, будто прошло несколько рассветов.

Мальчишка повернул голову на продолжавший улыбаться образ своей первой подруги. Безумно яркий, будто она действительно стояла позади него.

Подросток слабо улыбнулся.

— Возможно, я стал заниматься этим потому, что этого хотела Айша, и мне бы не хотелось разочаровывать даже память о ней, но мне нравится играть на флейте лишь чуть меньше, чем познавать чудо.

Старик довольно сощурился. Могущественные духи вокруг него неожиданно поднялись в небо, начав создав в небе вихрь. Прямо над головами Нориэля и неизвестного старца начал подниматься самый настоящий смертоносный вихрь, начав тушить возникшие в горной долине пожары и... скажем так — охлаждать умы всех тех, кто слишком погрузился в пламя силы варвара.

Бесчисленное количество фиолетовых цветов поднялось в небо.

Духи не пытались остановить бой, как и не пытались помочь ни одной из сторон. Они просто прощались со своим другом.

Пожилой чудотворец вздохнул с нескрываемым облегчением. До этого момента яркие глаза старца начали постепенно тускнеть.

— Моё время уже давно ушло. Я дожил до этого мига лишь благодаря ветру. Или, как ты сказал, хе-хе, духам. Я очень рад, Первородный, что дожил до этого момента. Разделишь ли ты со мной последнюю игру на флейте?

Обычно Нориэль соглашался лишь потому, что не видел смысла в отказе. Он не думал над тем, хочет он этого или нет. Подросток так стремился, следуя воле Айши, распространить свою игру, что совсем не думал над тем, хочет ли он сам этого.

Мальчишка ненадолго задумался, после чего медленно кивнул.

— Я счастлив осознавать, что смогу проводить тебя в новый рассвет, старец. Будь уверен, что я не забуду твоих слов и буду нести память о тебе через время.

Чудотворец, мягко улыбнувшись, кивнул.

Два флейтиста переглянулись, после чего, не сговариваясь, одновременно заиграли. Духи же, услышав игру, подхватили её и стали разносить на многие километры.

Вся горная долина, застеленная окровавленными фиолетовыми цветами, покрытая бесчисленными трупами людей, услышала игру двух чудотворцев. До этого яростная схватка неожиданно для всех встала на паузу, заставив обе стороны, плюя на происходящее, насладиться игрой.

Лишь на короткий срок, но наступил настоящий мир.

Образ Айши ещё какое-то время наслаждался игрой Нориэля, после чего, постарев, счастливо улыбнулся и медленно развеялся.

Навсегда.

Когда же игра прекратилась, в живых на поляне остался лишь Нориэль. Труп старца, сидевшего рядом с вечно молодым существом, застыл в сидячем положении.

Молодой эльф чувствовал, как сильно пульсировал источник внутри него. Парень не

чувствовал себя таким свободным с того момента, как отправилась в следующую жизнь его первая подруга. Молодому эльфу казалось, что он в любой момент может погрузиться в медитацию столь глубокую, что к тому моменту, как он выйдет из этого состояния, пройдёт далеко не один и не два рассвета.

Сотни и тысячи рассветов, десятки тысяч.

— Нориэль, вот ты где! А я уже, ха-ха, думал, что тебя унесла эта сила! Видят Духи, твоя флейта была очень кстати! Кто мог подумать, что всё это время ты мог сыграть ещё лучше!

Весёлый, бодрый, по-настоящему счастливый голос временно вывел парня из созерцательного состояния, заставив открыть глаза и повернуть голову на источник звука.

Картинка перед глазами парня стала безумно чёткой. Запахи стали ещё более сильными, он улавливал каждый звук на сотни и сотни метров. Восприятие перерождённого духа удивительным, неуловимым образом изменилась. Парень резко стал понимать, о чём говорила Нурай.

Будто сонному эльфу прописали звонкую пощечину и облили холодной водой.

Вокруг Малика стала видно марево. Тёмное, практически не имевшее светлых участков. Молодой эльф уловил запах гари, его зрачки сузились.

Он, обладая памятью, близкой к идеальной, прекрасно помнил свой первый рассвет и то, что происходило в тот день.

«Демонические псы. Он говорил, что может есть их мясо. Малик даже не представлял, насколько ошибался. Их мясо сделало без его ведома намного сильнее, но извратило его чудо. Мясо тварей из нижних миров нельзя так просто есть».

Мысль пронеслась в голове парня буквально мгновенно.

— Природа любит меня, — улыбнулся ярко мальчишка. — И ветер — не исключение.

— Не сомневался, — хмыкнул варвар, сжимая окровавленный топор в руках. Всё тело мужчины было покрыто кровью — как своей, так и чужой. Молодой эльф мог сказать, что демонические псы и нынешний Малик отличались сейчас исключительно тем фактом, что последний мог стоять на двух лапах и красиво говорить. — Мы победили, ушастый. Пойдём, все должны увидеть тебя. Сейчас идеальный момент для объявления, что навсегда изменит западные земли.

Впервые молодой эльф почувствовал к кому-то иррациональное презрение. Тёмная, уничтожающая всё сущность мимоходом соприкасалась с буквально светящейся, несущей жизнь сущностью Нориэля, пробуждая в парне такие чувства, будто его с головой опустили в грязь, и никакие духи не могли ему помочь.

Источник внутри парня запульсировал ещё отчаяннее. Энергия внутри парня рвалась наружу, желая избавиться от этой мерзкой дряни. К счастью, молодой эльф не позволил и капле собственной энергии выйти, взяв её под контроль. Нурай была права: Нориэль на фоне того, что осталось от его второго друга, был маленьким камешком на фоне горы.

Камешек, если не создаст лавину, не сможет ничего сделать горе.

Теперь Нориэль понимал, почему отношение духов к Малику постепенно менялось в негативную сторону, и чем дальше — тем сильнее. Совсем не из-за его характера. Как и понимал, почему они заочно боялись Каима. Он, в отличие от Нурай, перенял... особенность отца. В полной мере. Возможно, даже более совершенную, чем у Малика. Менее заметную и скрытную, естественную.

Нориэль не стал тут же соглашаться, ненадолго задумавшись. Парень мягко улыбнулся, решив ещё ненадолго отложить вопрос собственного источника.

Ему нужно было сделать ещё одну маленькую вещь, и он уже давно знал, как её реализовать. Просто не мог решиться. Бежал от собственных мыслей, спускал всё на тормоза, надеялся на то, что всё решится как-то само. Что обещание будет выполнено и ему не придётся идти на...

Собственно, это уже неважно.

Улыбка Нориэля, казалось, стала ещё чуть шире.

Сердце быстро забилося, чувствуя... приближение шалости. Только уже не от ребёнка.

— Хорошо. Пойдём.

Варвар вскинул бровь, мазнув взглядом по мёртвому старику. Он и представить себе не мог, кто обитал в горной долине.

— Друг мой, неужели произошло что-то хорошее?

Источник в груди Нориэля запульсировал ещё сильнее. Фиолетовые цветы тянулись к нему.

Нориэль не считал, что произошло что-то хорошее. Скорее, нечто ужасное. Способ мышления молодого эльфа претерпел определённые изменения, и горе тем, кто сломал крайне неохотно меняющееся во всех смыслах существо достаточно, чтобы оно за один короткий, столь нужный и важный, спасительный разговор пересмотрело свои взгляды на жизнь, получив пугающий, но нужный...

Толчок к взрослению.

— В какой-то степени, Малик.

<http://tl.rulate.ru/book/94178/3271007>